

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "CHRONOS"
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**XX МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»
(03 октября 2017г.)**

г. Москва- 2017

© Научный журнал "Chronos"

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Chronos" по материалам XX международной научно-практической конференции: «Актуальные вопросы общественных наук» г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М: Научный журнал "Chronos", 2017. – 40с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал «Chronos»

Электронная почта: society@chronos-journal.ru

Официальный сайт: chronos-journal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Филиппова О.Н. ТВОРЧЕСТВО Н.Н.ВРАНГЕЛЯ – ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРИТИКА И ИСТОРИКА ИСКУССТВА (1880-1915 ГГ.).....	4
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гасанов М.Р., Муталибова Д.Н. ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В ДАГЕСТАНЕ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX в.....	10
---	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Габараев С.Н. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: МНЕНИЕ СТУДЕНТОВ ЮГО- ОСЕТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	15
---	----

Рассадина Т.А. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОГО НАРОДА КАК ОСНОВАНИЕ КОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	20
---	----

ФИЛОЛОГИЯ

Buvalin N. A., Lenart I. INTERCULTURAL COMMUNICATION IN HEALTH CARE: A LITERATURE REVIEW.....	26
---	----

Исхакова Г.Р., Гареева Г.Н. ПСИХОЛОГИЗМ В ПОВЕСТИ АМИРА АМИНЕВА.....	30
---	----

Воложанина Т.С. ПРАГМАТИКА АТРИБУТИВНЫХ ТАВТОЛОГИЙ.....	34
--	----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ТВОРЧЕСТВО Н.Н.ВРАНГЕЛЯ – ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРИТИКА И ИСТОРИКА ИСКУССТВА (1880-1915 ГГ.)

Филиппова Ольга Николаевна

Член Ассоциации Искусствоведов (Москва)

АННОТАЦИЯ:

Дворянские усадьбы имеют свою неповторимую историю, представляя собой микромир, в котором отражались внутри – и внешнеполитические события эпохи, социально-экономические и культурные процессы российской действительности. У каждой усадьбы был свой период становления, расцвета и упадка. По-разному складывались и судьбы нескольких поколений их владельцев, от образа мыслей и вкусов, возможностей которых зависела судьба самого дворянского гнезда. Научный интерес к истории и культуре русской усадьбы, как одной из составляющих помещичьей России, в разное время был неодинаков. Были годы разрушений и забвения, но скоро наступало отрезвление и начинали предприниматься попытки сохранить то малое, что еще осталось от этого уникального в своем роде культурного пласта России. Изучение усадебной культуры – это не только обращение к жизни и деятельности известных и неизвестных архитекторов и скульпторов, творчеству русских писателей, поэтов, художников, композиторов, крепостных строителей и актеров, как говорят, талантов из народа, но и к истории русской повседневности, ментальности. На память приходят фамилии тех, кто одними из первых начинали изучать усадьбы еще в 1900-х годах. Это П.П.Вейнер, Г.К.Лукомский, Ю.И.Шамурин, А.Н.Бенуа, В.В.Згура, А.В.Чаянов, А.Н.Греч и другие исследователи. Безусловно, в этом списке мы называем и историка искусства барона Н.Н.Врангеля (1880-1915 гг.).

ABSTRACT

Noble estates have their own unique story, presenting a microcosm which reflected domestic and foreign political events of the era, socio-economic and cultural processes of the Russian reality. Each manor had its own period of formation, prosperity and decline. Diverse destinies and the fate of several generations of their owners, from the way of thinking and tastes, features of which depended the fate of the noble nest. Academic interest in the history and culture of Russian manor as one of the components of the landlords of Russia, in different times were different. There were years of destruction and neglect, but soon stepped up and began to attempt to preserve the little that still remains of this unique cultural layer of Russia. The study of residence culture is not only referring to the life and work of famous and unknown architects and sculptors, the works of Russian writers, poets, artists, composers, fortress builders and actors, as they say, talents of the people, but also to the history of Russian everyday life, mentality. Come to mind the names of those who were among the first to learn of the estate in 1900-ies.

This P.P.Weiner, G.K.Lukomsky, J.I.Samarin, A.N.Benoit, V.V.Zgura, A.V.Chayanov, A.N.Greek and other researchers. Certainly, in this list we called and art historian Baron N.N.Wrangell (1880-1915).

Ключевые слова:

Творчество, художественный критик, историк искусства, выставка, архив, библиотека, журнал, провинция, усадьба.

Keywords:

Creativity, art critic, art historian, exhibition, archive, library, magazine, province, estate.

Известно, что Николай Николаевич был одним из представителей многочисленного рода баронов Врангелей. По свидетельству А.Н.Бенуа гордились бароны и своим происхождением «из арапа Петра Великого» [1, 285]. Какую бы ветвь баронов мы не взяли, то обязательно бы увидели, что мужчины в их роду были, в основном, людьми военными, а вот в лице Василия Георгиевича и Николая Николаевича нашли бы тех, кто отдал себя служению искусству.

Н.Н.Врангель родился в 1880 году (по другим данным – в 1882 году) в имении Головкивка Чигиринского уезда Киевской губернии [1, 285]. Его старшим братом был Петр, в будущем – генерал-лейтенант, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России в годы Гражданской войны. Воспитанием детей занималась мать Мария Дмитриевна, урожденная Дементьева – Майкова. В доме всегда было много картин русских и западноевропейских художников, коллекционного фарфора, мебели, ковров.

Получалось так, что Николай фактически вырос среди этих предметов помещичьего быта. Со временем он и будет заниматься поиском и изучением подобных предметов искусства, в том числе в усадьбах России. Его любовь к искусству, литературе, истории в семье поощрялась. Пребывание в Италии и Германии, где он поправлял свое здоровье, еще более усилило его влечение к прекрасному. В 1900 году Н.Н.Врангель возвратился в Россию. В Петербурге он скоро познакомился с известным живописцем и графиком, художником, музейным деятелем А.Н.Бенуа, а через него с С.П.Дягилевым и другими членами «Мира искусства» [4, 129]. Общение с этими людьми не прошло для Н.Н.Врангеля даром.

В 1902 году в залах Академии художеств открылась уникальная выставка русского портрета, организатором которой и был уже начинающий историк искусства Н.Н.Врангель. Подготовил он и иллюстрированный, богатый информацией, каталог, который произвел очень хорошее впечатление на А.Н.Бенуа [5, 181]. И чем дальше, тем больше выставочная работа захватывала Н.Н.Врангеля, но предполагала она не только создание экспозиций картин, но и написание каталогов и других материалов, т.е. требовала от него исследовательской деятельности.

Так, в 1904 году Н.Н.Врангель опубликовал двухтомник «Русский музей императора Александра III. Живопись и скульптура», научная ценность

которого сохраняется и по сей день [4, 129]. В 1905 году открылась, как все отмечали, грандиозная выставка портретов в Таврическом дворце. В нее вошли портреты кисти Д.Г.Левицкого, О.А.Кипренского, В.А.Тропинина и др. Всего их было почти две с половиной тысячи, взятых из имений, частных коллекций и музеев. И естественно, самое непосредственное участие в ее организации, подготовке каталога и биографических материалов о художниках, чьи работы были представлены на выставке, принимали А.Н.Бенуа, Н.Н.Врангель, С.П.Дягилев [3, 9].

Следующим шагом по пути познания прекрасного и желанием сделать художественные произведения той или иной эпохи достоянием общности, стала организация очень интересной выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», которая состояла из двенадцати отделов [3, 11]. Ее главным комиссаром и одновременно руководителем художественного отдела был барон Н.Н.Врангель. Эта огромная выставка стала вершиной мастерства и умения ее устроителей. Посетители залов Академии художеств зримо, почти физически оказывались в России середины XVIII века. Экспозиция содержала портреты государственных деятелей Елизаветинской поры, гравюры, макеты зданий и архитектурную графику, геральдику, сфрагистику, нумизматику, книги, рукописи, предметы быта, церковную утварь и др.

Организаторам выставки удалось исключительно полно представить Елизаветинскую эпоху. Выдающиеся заслуги Н.Н.Врангеля в подборе материалов и создании экспозиции были неоспоримы. К открытию выставки удалось выпустить путеводитель и каталог, состоящий из семнадцати книг в пятнадцати обложках. Вступительная статья к путеводителю была написана Н.Н.Врангелем.

В 1906 году он поступил на службу в Императорский Эрмитаж. И здесь барон проявил себя с лучшей стороны, как свидетельствовали его сослуживцы. Они вспоминали о нем, как о талантливом исследователе, хотя и еще молодым, с большим художественным вкусом, знающим, энергичном, умелом организаторе [3, 10]. А ведь надо отметить, что все его образование складывалось из шести классов ростовской гимназии и незаконченного курса обучения в IV петербургском реальном училище. Некоторые, учитывая, его главным образом, домашнее образование и самообразование, даже называли Н.Н.Врангеля дилетантом, но необычным. По долгу своей службы ему необходимо было проводить осмотры произведений искусства, составлять описи, экспозиции, ездить по старым усадьбам. При этом он успевал побывать и на балах, премьерах, выставках; работал в архивах, библиотеках.

Жизнь его, как видим, была очень насыщенной. С людьми он был общительным, быстро находил общий язык и с художником, и с поэтом, и с артистом, и со статским советником. Известность Н.Н.Врангеля росла, в том числе в связи с его публикациями в журналах. Вскоре его пригласил к сотрудничеству В.А.Верещагин, известный тогда библиограф и искусствовед.

Это означало, что у Николая Николаевича появилась возможность еще более проявить себя и показать сделанные наработки на страницах журнала «Старые годы», который начал выходить с января 1907 года [4, 130].

Первый номер нового журнала оказался неудачным. Следующий за ним февральский номер открывался статьей Н.Н.Врангеля «Забытые могилы». Именно она принесла «Старым годам» первый успех [3, 14]. Издателем и редактором журнала (фактически с марта 1907 года) был талантливый искусствовед и коллекционер П.П.Вейнер (1879-1931 гг.). За десять лет существования «Старых годов» вышло 120 номеров в девяноста обложках [3, 15]. Лучшего историко-искусствоведческого журнала ни в России, ни в других странах, ни до «Старых годов», ни после не выходило [3, 15]. Журнал был безупречен не только по содержанию – его полиграфическое исполнение не может не вызывать восхищения. Печатались «Старые годы» в типографии «Сириус» [3, 15].

В отличие от других журналов, в «Старых годах» никогда не печатались материалы о сиюминутном, спорном, новомодном [3, 15]. Их страницы заполнялись описаниями предметов искусства талантливейших мастеров. «Старые годы» формировали золотой фонд русской и мировой культуры, их авторы излагали фрагменты истории русского и мирового искусства. Весомый вклад в этот сложный процесс сделан Н.Н.Врангелем. Статьи, принадлежавшие его перу и помещенные в «Старых годах», украшали журнал, создавали его лицо [3, 15].

Николай Николаевич опубликовал в «Старых годах» сорок семь сообщений и двадцать три крупные статьи [3, 15]. В июле, августе и сентябре, когда большинство читателей журнала находилось вне города, «Старые годы» не выходили, но в конце сентября подписчики получали строенные номера [3, 16]. Они, как правило, были тематическими; в 1910 году тройной номер назывался: «Старые усадьбы. Очерки русского искусства и быта» [3, 16]. Его открывала статья признанного знатока русской усадьбы Н.Н.Врангеля «Помещичья Россия», которая описывает жизнь русской усадьбы, с ее неожиданностями, непоследовательностями, иногда новыми, но всегда несходными со вчерашним, и с крайностями против крайностей, вычурами против простоты, гениальностью против убожества, т.е. с характерными чертами, так верно названными «русским самодурством» [3, 16]. Вместе с этим русская усадьба – это целый мир взаимоотношений и традиций.

Еще в 1902 году начались его первые поездки в провинцию, продолжение которых состоялось в 1904 году. А только за лето 1909 года Н.Н.Врангель побывал в 25 помещичьих усадьбах [1, 289]. В 1910 году он опять едет по усадьбам, но теперь уже в качестве секретаря Петербургского Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины. объехал он Поволжье, особо исследовал Арзамас. Ему предстояло эти усадьбы изучать, бороться за их дальнейшее сохранение; из найденных в них произведений искусства и предметов дворянского быта составлять и открывать выставки,

писать научные труды, одновременно занимаясь и популяризацией искусства прошлых эпох, в целом.

Параллельно с поездками в провинцию Н.Н.Врангель читал лекции у графа В.П.Зубова в Институте истории искусств и участвовал в подготовке юбилейной Романовской выставки, но многое изменилось в России и его жизни с началом Первой мировой войны. Он стал работать в Красном Кресте, занимаясь организацией прифронтовых лазаретов. В октябре 1914 года отбыл на Западный фронт в качестве уполномоченного на санитарном поезде имени великой княжны Ольги Николаевны. Ужасы войны, человеческие жертвы потрясли Николая Николаевича, о чем свидетельствуют его военные дневники «Дни скорби» [4, 133].

Летом 1915 года Н.Н.Врангель, тяжело заболевший, скоропостижно скончался; в момент смерти ему даже не было 35 лет. В 2010 году исполнилось 130 лет со дня рождения барона Н.Н.Врангеля. В Петербурге создано общество «Наследие Врангелей» [4, 133]. 28 июня установлен день его памяти. С 2009 года проводятся «Врангелевские дни» [4, 133].

Таким образом, Николай Николаевич любил жизнь, любил время, в которое жил, и вовсе не вздыхал по «галлантному» XVIII веку [3, 18]. Он превосходно понимал, что новая, изменившаяся жизнь требует иного, соответствующего ей искусства, способного запечатлеть внешние и внутренние ее свойства. Он понимал, что всякое современное искусство покоится на прежнем, традиционном, что искусство старых мастеров следует изучать кропотливо, с особой бережливостью относиться к их творениям. Если не сохранять и не изучать искусство старых мастеров, то остановится развитие нового искусства. Для сохранения искусства старых мастеров требуется его популяризация.

Возможно, Н.Н.Врангелем двигала врожденная склонность к популяризации достижений прошлого, возможно, таким он видел свой долг перед родиной. Осознанное понимание величия государства, величия населяющего его народа немислимо без знания прошлого. Своими многочисленными историко-искусствоведческими трудами, написанными превосходным ярким языком, позволявшим проникнуть в описываемую эпоху, окатиться в ней, ощутить ее, он вселял в читателя гордость за Россию, за ее народ.

Список литературы:

1. Вейнер П.П. Барон Н.Н.Врангель. Биографический очерк // Врангель Н.Н. Старые усадьбы: очерки истории русской дворянской культуры. СПб.: Журнал «Нева», ИТД «Летний сад», 1999. С.285-293.
2. Врангель Н.Н. Помещичья Россия // Старые годы. – 1910. – Июль-сентябрь. – С.5-79.
3. Лурье Ф. Дилетант // Врангель Н.Н. Старые усадьбы: очерки истории русской дворянской культуры. СПб.: Журнал «Нева», ИТД «Летний сад», 1999. С.3-21.

4. Миловидова Н.В. Барон Н.Н.Врангель и его «Помещичья Россия» // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: Материалы конф., Кострома, 25-26 марта 2010 года / Сост. и науч. ред. А.Д.Шипилов. Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2010. С.128-134.

5. Мурашев А.А. «Потомок негров безобразный» (штрихи к портрету барона Н.Н.Врангеля) // Отечественная история. – 1999. – №3. – С.179-186.

6. Памяти барона Н.Н.Врангеля: [Некролог и статьи В.А.Верещагина и А.Ф.Кони]. Пг.: Типография Сириус, [1915]. 16с.

References:

1. Weiner P.P. Baron N.N.Wrangell. Biographical sketch // Wrangel N.N. Old estates: essays on the history of Russian aristocratic culture. SPb.: Journal "Neva", ETC "a Summer garden", 1999. P.285-293.

2. Wrangell N.N. Landlord Russia // The Old years. – 1910. – July-September. – P.5-79.

3. Lurie F. Amateur // Wrangel N.N. Old estates: essays on the history of Russian aristocratic culture. SPb.: Journal "Neva", ETC "a Summer garden", 1999. P.3-21.

4. Milovidova N.V. Baron N.N.Wrangel and his "Landlord Russia" // the Romanovs readings. The Romanov dynasty and the Russian culture: Materials of Conf. Kostroma, March 25-26, 2010 / Comp. and nauch. edited by A.D.Shipilov. Kostroma: KGU im N.A.Nekrasova, 2010. P.128-134.

5. Murashev A.A. "A Descendant of blacks ugly" (traits to the portrait of Baron N.N.Wrangel) // Domestic history. – 1999. – No.3. – P.179-186.

6. The memory of Baron N.N.Wrangel: [Obituary and article V.A.Vereshchagin and A.F.Koni]. PG.: Printing House Sirius, [1915]. 16p.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В ДАГЕСТАНЕ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX в.

Гасанов М.Р.

*д.и.н., профессор кафедры Истории
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
педагогический университет»
(Российская Федерация, г. Махачкала)*

Муталибова Д.Н.

*магистрант 2 года обучения исторического факультета ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный
педагогический университет»
(Российская Федерация, г. Махачкала)*

Статья посвящена изучению аграрного вопроса в Дагестане, в процессе которого была проведена земельная реформа. Аграрный вопрос был тесно связан с деятельностью дагестанской сельской общины в пореформенный период.

The article is devoted to the study of the agrarian question in Dagestan, which was a land reform. The agrarian question was closely connected with the activities of the Dagestani village community in the post-reform period.

Ключевые слова: Аграрная реформа, Дагестан, чагары, раяты, беки, царизм, сословия, комиссия.

Key words: agrarian reform, Dagestan, cagary, racy, Becky, the tsarist government, estate, Commission.

В Дагестане, как и повсюду на Кавказе, аграрная реформа стала непосредственным ответом на все усиливающееся движение народных масс против феодального гнета. Зависимые сословия - чагаров, теркемейцев и раят, т.е. крепостных, были предоставлены полному бесконтрольному усмотрению беков и их управляющих. Единственной попыткой урегулировать подобную бесконтрольную систему стала выдача в конце 60-х годов обществам зависимых поселян так называемых «ведомостей» и инструкций, в которых были указаны категории и размеры подлежащих отбыванию повинностей. Инструкции эти, однако, мало улучшили положение поселян, так как составлялись чинами местной администрации, всегда поддерживавшей беков [4, с. 65]. Зависимые крестьяне продолжали отбывать своим бекам десятки различных повинностей. Так, например, табасаранским бекам раяты должны были отбывать 32 повинности. Примерно такое же положение было и у раятов других округов Дагестана. По существу реформа в Дагестане не затронула основ феодальной системы. Зависимые отношения крестьян к бекам удерживались здесь при поддержке царского правительства вплоть до

начала XX века. К 1910 году зависимыми отношениями в Дагестане были охвачены 98 селений с населением в 70 тыс. человек [4, с. 65].

Более последовательная земельная реформа была проведена в Засулакской Кумыкии, которая административно входила во второй половине XIX в. в состав Терской области.

Кумыкские беи (князья) и первостепенные уздени имели документальные свидетельства своих прав на частное владение землей. Эти документы были представлены владельцами в Кумыкский комитет. Самые древние документы восходили к 1722 году [5, с. 81].

По проекту сословно-поземельной комиссии, представителей различных народов, поселившихся в Кумыкском округе после 1859 года, предложено было окончательно водворить в этом округе, но без наделения землей. Совершенно не были наделены землей 299 семей чеченцев, ауховцев, сала-тавцев, переселившихся ранее на Кумыкскую плоскость [1, с. 156].

До проведения реформы, в Кумыкском округе казенные земли составляли 17411 десятин. В результате проведения земельной реформы на Кумыкской плоскости, все казенные земли - приобретенные покупкой, конфискованные и отведенные для покосов войскам, остались в полном распоряжении правительства. Как отмечала сословно - поземельная комиссия, поземельные отношения, установившиеся в Кумыкском округе, представляют собой смесь общинного права с вотчинным [1, с. 123].

Многовековое пребывание на определенной территории давало народу право на обрабатываемую ими землю. Этот факт признавался и представителями царской администрации на Кавказе.

Дальнейший ход событий показал, что неприкосновенность права собственности на землю в Дагестане соблюдалась далеко не всегда. Государством отчуждалась земля у горских сельских обществ в пользу казны, в то время, как феодальное землепользование оставалось неизменным.

На остальной части Дагестана крестьянская реформа была начата в интересах дворянства в ноябре 1868 г. Выработанные правительством специальные правила об «освобождении» зависимых сословий полностью удовлетворяли пожелания владельцев-феодалов.

Царское правительство при попытке решить земельный вопрос, было вынуждено лавировать между двумя основными социальными классами Дагестана. Оно постоянно ставило вопрос об урегулировании взаимоотношений между государственной казной и крестьянством, с одной стороны, и между феодальной верхушкой и зависимым населением - с другой. Для этого создавались многочисленные сословно-поземельные комиссии, которые, в свою очередь, составляли десятки различных проектов решения поземельных вопросов в Дагестане, большинство которых оставалось на бумаге.

Решение поземельного вопроса в Дагестане так и не было доведено до конца. Замедление и в конечном итоге срыв работы Сословно-поземельной

комиссии был связан и с чрезвычайно сложным переплетением норм землепользования в различных обществах Дагестана.

Таким образом, во второй половине XIX в. в Дагестане феодальные отношения продолжали развиваться. Аграрные и крестьянские реформы, проведенные в 60-е годы в Российской империи, фактически не затронули Дагестан (кроме Засулакской Кумыкии, входившей в состав Терской области). Феодалы: князья, беки и чанки, оставаясь собственниками больших земельных владений, сохранили свое влияние не только над крепостными чагарами, теркемейцами и раятами, но и над формально свободными узденями. Зависимые категории крестьян Дагестана, имея свое мелкое хозяйство, проживая на землях, захваченных беками, были обязаны платить подати и отбывать повинности во все более увеличивавшихся размерах.

Упразднение ханской власти в 60-х годах XIX в. также не помешало дальнейшему развитию феодальных отношений. Так как большинство беков занимали офицерские или административные должности в военном народном управлении Дагестана, то в последующем произошло сращивание феодальной верхушки с местной администрацией, которая последовательно защищала их интересы.

Следует отметить, что данная постановка вопроса подтверждает выводы видных дагестанских исследователей Хашаева Х.О., Гаджиевой С.Ш. о характере сословно-поземельных отношений и крестьянской реформы в Дагестане [6, с. 107].

Аграрная политика царизма в Дагестане искусственно тормозила вовлечение края в процесс бурно развивавшихся капиталистических отношений в России пореформенного периода.

Русская буржуазия искала новые источники сырья и рынки сбыта товаров. К концу XIX в. капиталистические отношения проникли и в сельское хозяйство равнинного Дагестана, они коснулись также кустарной промышленности и крупных товарных овцеводческих хозяйств узденской верхушки горного Дагестана. Под влиянием развития промышленности, торговли и путей сообщения производство продуктов сельского хозяйства для рынка все более и более увеличивалось, что, однако, совершенно не означало, что в Дагестане капиталистический способ производства стал преобладающим. Только в сравнительно более развитой прикаспийской низменности в сельском хозяйстве медленно развивался капиталистический уклад.

Дагестан во второй половине XIX в. все более и более втягивался в систему капиталистического развития России, его хозяйство, особенно в равнинной части, все более превращалось в составную часть экономики России. Тем не менее, Дагестан продолжал оставаться одной из отсталых окраин царской России. Причиной его экономической и культурной отсталости являлись сохранявшиеся феодальные отношения и колониальная политика царизма, тормозившие развитие национальных окраин с целью превращения их в сырьевые придатки промышленно-развитых центральных районов России и в рынки сбыта их товаров.

Аграрный вопрос в Дагестане был тесно связан с деятельностью дагестанской сельской общины в пореформенный период. Это и понятно, так как основной общественной организацией, регулировавшей все стороны внутреннего распорядка и землепользования, хозяйственную жизнь и взаимоотношения между членами сельскохозяйственного общества являлась сельская община.

Община в Дагестане в основном принадлежала к тому типу, который принято называть сельской (земледельческой) общиной. Вместе с тем, община в ряде случаев продолжала сохранять признаки предыдущей общественной формы, из которой она вышла, - родовой общины. В Нагорных районах Дагестана еще явственно прослеживались пережитки родовой собственности. Праздники, ритуалы, общественные работы и т.д. у горцев Дагестана были живым напоминанием о том времени, когда родовая община. Прямой пережиток родового строя - тухум или большая семья - еще сохраняла свое определенное значение во второй половине XIX в.

О трактовке понятия дагестанского тухума существует много мнений, хотя все исследователи, и русские, и кавказские, единогласны в том, что тухум - это не род, как считал М.М.Ковалевский, а своеобразный общественный институт, свойственный переходному периоду от родового к классовому обществу [2, с. 107].

Исследование общественных отношений горцев Кавказа позволило Ковалевскому М.М. сделать очень важный вывод относительно патриархальной большой семьи как наследницы родовых отношений и непосредственной предшественницы сельской (земледельческой) общины [3, с. 325].

Процесс преобразования существовавшего в Дагестане крестьянского землевладения в товарное хозяйство, как бы ни были различны конкретные формы его проявления, имел две тенденции, носил двойственный характер. С одной стороны, происходила индивидуализация крестьянского землевладения, замена общинного землевладения частным. С другой стороны, с ограничением прав общины на крестьянский надел или его часть увеличивалась опасность полной потери их крестьянином, ибо возможность беспрепятственного владения подымным участком облегчала также возможность отчуждения его. Происходила централизация богатства, концентрация крестьянского землевладения в руках зажиточной верхушки аула. Крестьяне Дагестана, не успев превратиться в мелких земельных собственников, часто закабалялись выходящими из их среды представителями торгово-ростовщического капитала и земледельческого капитализма. На развалинах общинного землевладения постепенно начал утверждаться капиталистический способ производства в земледелии.

Обе указанные стороны процесса - индивидуализация крестьянского землевладения и концентрация его - явились неизбежным следствием развития торгового землевладения и капитализма.

Таким образом, причины разрушения общины и концентрации крестьянского землевладения коренились в самих условиях пореформенного

периода. По мере того, как дагестанский крестьянин (особенно в плоскостной зоне) становился товаропроизводителем, он не мог не стремиться вырваться из-под опеки сельской общины и тем самым упрочить свою хозяйственную самостоятельность. Но малоземелье, отсталость земледельческой техники, недостаток скота, отсутствие денежных средств на приобретение усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, истощение почвы, задолженность ростовщикам и гнет выбивали из привычной жизненной колеи «самостоятельного» хозяина.

Не менее тяжелыми были казенные подати. Они складывались из денежных сборов, ремонта и строительства дорог и мостов. Кроме того, каждый двор платил еще и земский сбор. В целом все налоги; подати и сборы составляли для крестьянина солидную сумму.

Дагестанская сельская община покоилась на натуральном хозяйстве, на соединении примитивного земледелия с домашней кустарной промышленностью. Общинное землевладение являлось экономической необходимостью для мелкого крестьянского хозяйства как форма земледельческого производства. Но коль скоро начинают развиваться торговое земледелие и капитализм, община неминуемо приходит к разрушению. Процесс обобществления труда товарным хозяйством и капитализмом приводил к разложению общины на противоположные по своим экономическим интересам группы крестьянства: зажиточную верхушку, все чаще и чаще прибегавшую к применению наемного труда в хозяйстве, и постепенно экспроприруемую массу крестьянства, вынужденную все больше жить продажей своей рабочей силы. Одновременно с этим само общинное землевладение начинает вытесняться все более крепнущей крестьянской собственностью на землю или близкими к ней по существу формами крестьянского землевладения.

Литература

1. Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961.
2. Гасанов М.М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). Издательство «Юпитер». Махачкала, 1999.
3. История народов Северного Кавказа конец XVIII в. – 1917 г. – М., 1988.
4. Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972.
5. Феодалные отношения в Дагестане в XIX – начале XX в. Архивные материалы. М., 1969.
6. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX. М., 1961.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: МНЕНИЕ СТУДЕНТОВ ЮГО-ОСЕТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Габараев Станислав Николаевич

*Старший преподаватель,
кандидат философских наук кафедры политологии и социологии
Юго-Осетинского государственного университета им.А.А.Тибилова*

Национальная идея является важным составляющим общественной жизни каждого народа, любого государства. Национальная идея и национальные интересы касаются различных сторон общественной жизни каждого народа. Общенациональная идея необходимый элемент для формирования социокультурных, политических и других определенных положений.

В статье дается анализ социологического исследования по проблеме национальной идеи в Южной Осетии.

Ключевые слова: национальная идея, национальные интересы, связь национальной идеи и национального интереса, условия возникновения национальной идеи, социологические исследования, отношение студентов к национальной идее, формирование национальной идеи.

NATIONAL IDEA: THE STUDENTS OPINION

Gabaraev Stanislav Nikolaevich

Senior teacher, Candidate of Philosophy of the Department of Political and Philosophical Sciences of South Ossetian State University named after A.A. Tibilov.

National idea is the important part of the social life of every people, of every state. National idea and national interests concern different parts of social life of every people. General national idea is the necessary element of formation of socio-cultural, political and other specific statements.

The analysis of sociological research on the problem of national idea in South Ossetia is given in the article.

Key words: national idea , national interests, links of national idea and national interest, conditions of emergence of national idea, sociological research, attitude of students towards national idea, formation of national idea.

Актуальность вопроса национальной идеи, в конкретном случае населения Южной Осетии, вызвана перманентным ее обсуждением, как в обще-

стве в целом, так и на бытовом уровне. При этом обсуждение в обоих случаях носит неоднозначный и острый характер. Острота проблемы вытекает из самого существования, наличия в обществе двух противоположных мнений по поводу национальной идеи Южной Осетии.

С одной стороны, первое мнение о национальной идее – это воссоединение Южной Осетии и Северной Осетии, с другой стороны суверенная, сильная экономически, самостоятельная Южная Осетия, насколько это возможно в современных реалиях, политических, экономических, международных условиях.

При анализе национальной идеи важно не упустить следующие принципиальные моменты:

- исторические причины и источники возникновения национальной идеи;
- исторический путь развития национальной идеи осетинского общества;
- связи национальной идеи и национального интереса;
- отношение к национальной идее студенческого сообщества и выявление сторонников того или иного варианта национальной идеи в Южной Осетии.

Без сомнения, национальная идея является весьма важным составляющим общественной жизни каждого народа, любого государства. На наш взгляд национальная идея у народов, скорее всего, возникает с возникновением государственности. Национальная идея, национальные интересы касаются сторон выживания, сохранения самобытности, развития экономики, государственности, культуры. Объективно, что в интересах каждого народа все перечисленные моменты становления и развития наций направлены на упрочение их в системе отношений с другими народами. Другими словами национальные интересы, национальная идея затрагивают различные стороны национального самоутверждения.

Для более полного понимания сути национальной идеи важно учитывать следующие связи понятий, близких к национальной идее, т.е. анализ национальной идеи в полной мере адекватным может быть лишь тогда, когда будет учитываться вектор:

национальные интересы – национальная идея – цель государства.

Если рассмотреть историческое развитие Древнего Востока, интересным представляется национальная идея того времени Древнего Китая, которая вероятно предполагала сохранение суверенитета, национальной идентичности и целостности страны. Ненасильственные отношения между соседними государствами, усиление влияния китайского образца становления государства, в первую очередь, путем культурной, духовной победы, во вторую очередь, экономического влияния над сопредельными странами и не только над ними. И эта доктрина до сих пор является основной для современного Китая, по крайней мере, так утверждается официально. Хотя на

практике мы видим некоторые отклонения от этого курса. Например, события на Даманском острове, на Дальнем Востоке или повторяющиеся в разное время вооруженные и невооруженные столкновения с Вьетнамом. Самым ярким примером национальной идеи в определенное историческое время, возникшая в античности в Древнем Риме идея, во что бы то ни стало уничтожить, стереть с лица Земли Карфаген. Естественно, что эта идея не могла быть самой главной в Древнем Риме, скорее превосходство Древнего Рима над всем миром являлось главной национальной идеей.

Что же касается национальных идей, которые культивировались в сознании людей, декларировались государствами с противоположными социально-экономическими устройствами, важно это учитывать для более полного понимания сути и изменений содержания национальных идей.

Национальная идея не может принадлежать определенной этнической группе, она носит глобальный характер, так как каждый человек по своей сути является его творцом (имеется в виду, что национальная идея имеет и общечеловеческое понимание).

В настоящее время в юго-осетинском обществе наблюдается два мнения относительно национальной идеи.

Первая – национальная идея, которая декларируется политической и административной элитой и частью населения и определяется, как идея воссоединения Северной Осетии и Южной Осетии.

Вторая – это независимая от навязываемых свыше идей – национальная идея суверенной Южной Осетии.

Это положение, с одной стороны, связано с потребностью одних людей в статусе, которая приблизила бы их к власти или удовлетворила бы их финансовые и материальные потребности. С другой стороны люди, которые определяют свой статус просто как граждане Южной Осетии, для которых важно будущее своей страны. В глобальном, общечеловеческом смысле, национальные идеи любых государств, этнических сообществ в основном связаны с существующим статусным положением отдельных граждан. С одной стороны, самореализация индивида в Западной экономической модели, с другой – множество путей самореализации личности, существующих в сознании, в мировоззрении народов России, Латинской Америки, Ближнего Востока, Китая, Индии. Рассматривая национальную идею, важно иметь в виду то известное обстоятельство, что распадом Римской империи возникло два пути дальнейшего развития человечества. Первый путь, основанный на идеологии Западного Рима и второй путь Восточного Рима, Византии. При этом более богатая материально и духовно Византия дальнейший путь связывала в большей степени с духовным развитием, а Западный Рим предполагал развитие на основе материального богатства индивида, что впоследствии трансформировалось в англосаксонское понимание дальнейшего развития мира.

С тех пор появилось полярное понимание дальнейшей судьбы человечества и, как следствие, различное понимание национальной идеи. При всем

этом важно помнить, что есть страны и территории с большим количеством населения, у которых точно отличное понимание дальнейшей судьбы человечества и вопроса национальной идеи (Китай, страны Ближнего Востока, Мусульманский мир, Латинская Америка).

В целом если обобщить национальные идеи, цели государств, национальные интересы, то на поверхности увидим положение, что основной идеей существования абсолютного большинства государств – это социальное и материальное благосостояние населения страны. Все страны в своих Конституциях декларируют, что в основе их жизни главным является социальная направленность развития. Однако это далеко не так, в каждом конкретном случае, в любой стране можно увидеть большое разнообразие национальных идей. Рассмотрение национальной идеи как понятия приводит к мысли, что общенациональная идея – необходимый элемент для формирования определенного мировоззренческого, социокультурного, политического общественного положения.

В современной научной стезе есть множество определений национальной идеи. Суть одних сводится к коренным интересам нации, стратегии развития конкретной страны. Другие исходят из позиции, что национальная идея должна отвечать интересам индивида и каждого человека в отдельности. На наш взгляд национальная идея – это комплексная идея, носящая исторический характер, которая должна отражать систему развития конкретного этноса и которая дает ответ на вопрос: «Какова цель существования данного народа в окружении других народов?» Исторически представляется, что развитие национальной идеи осетин постоянно трансформировалась. Этому подтверждение формирования национальной идеи на различных этапах истории Осетии и ее предполагаемые варианты.

Самыми важными вехами формирования национальной идеи связаны со следующими периодами развития Осетии. Этап, связанный с выживанием осетинского этноса, который реализовался в результате присоединения Осетии к Российской империи. Советский период, когда осетинский народ оказался в некотором смысле разделенным. Этот период характеризуется возникновением национальной идеи объединения Осетии. А в последнее время – это борьба Южной Осетии против внешней агрессии за суверенитет страны.

Национальная идея может измениться с появлением новых реалий в международных и межнациональных отношениях. Такое положение наблюдается в Южной Осетии. С начала борьбы за независимость Южной Осетии и признания ее наряду с главной и основной национальной идеей, выделялась идея воссоединения Осетии, которая на протяжении долгого времени доминировала, но с признанием Южной Осетии возникла идея самостоятельного, суверенного развития Южной Осетии. У идеи суверенного развития Южной Осетии есть достаточно большое количество сторонников.

Для выяснения отношения студентов ЮОГУ к двум национальным идеям было проведено социологическое исследование.

Была составлена анкета, где выделялся вопрос:

- Ваше представление, какой должна быть национальная идея Южной Осетии?

1. Воссоединение Южной Осетии и Северной Осетии.
2. Самостоятельное, независимое развитие Южной Осетии.

Исходя из принципиальности и остроты отношения к проблеме национальной идеи в исследовании предполагается респондентам ответить на вопрос:

- Где бы вы хотели жить и работать при условии одинаковых доходов и равных социальных услугах:

1. Владикавказ, Пятигорск
2. Цхинвал

Ответ на этот проверочный вопрос дает возможность оценить искренность ответов респондентов.

Результаты социологического исследования:

Применен описательный вид социологического исследования. Анкетный опрос охватил массив в 100 респондентов. При исследовании дополнительно предполагался уточняющий вопрос для выяснения искренности ответов.

Результат исследования показывает, 74% респондентов ответили утвердительно на вопрос суверенности Южной Осетии.

Ответы на вопросы достаточно правдивы, только два человека свою дальнейшую жизнь хотели видеть за пределами Южной Осетии, и все они утвердительно ответили на вопрос о воссоединении.

Литература

1. Актуальные проблемы национальной безопасности России. Учебное пособие/ Под ред. В.Ф.Ницевича, В.А.Труханова. Саратов:СВИРХБЗ.2002.-325с.
2. Бесаева А.Г. Нравственное воспитание младших школьников на основе этнокультурных традиций. Учебное пособие. Москва:ИД «МПА-Пресс». 2004.-64с.
3. Кожеурова Н. С. Роль идеала в становлении жизненной позиции молодежи (теоретический аспект) // Культура. Политика. Молодежь: Сб. науч. ст. -М., 2001. -Вып. 4. - С. 147 - 165.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОГО НАРОДА КАК ОСНОВАНИЕ КОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассадина Татьяна Анатольевна

доктор социологических наук, доцент

Институт гражданской авиации, г. Ульяновск

Аннотация

В статье на основе анализа отечественной социально-философской мысли представлен содержательный анализ исторически сформировавшейся системы традиционных ценностей в отношении коллектива, задающей своеобразие русского этноса и являющейся важной основой консолидации современного российского общества.

Ключевые слова: традиционные ценности русского народа, традиционная ценность коллектива, менталитет, национальный характер, консолидация современного российского общества.

Annotation

The substantial analysis of historically created system of traditional values concerning collective setting an originality of the Russian ethnos and which is an important basis of consolidation of modern Russian society is presented in article on the basis of the analysis of domestic social and philosophical thought.

Keywords: traditional values of the Russian people, traditional values of collective, mentality, national character, consolidation of modern Russian society.

В условиях новой геополитической ситуации России, связанной с присоединением Крыма, украинскими событиями, резким ухудшением отношений с Западом, секторальными санкциями, снижением жизненного уровня населения на фоне плюрализации жизненных миров, отсутствия общей устойчивой нормативно-ценностной системы, формирования подвижной социальной идентичности вопрос общественной консолидации российского общества по-прежнему является далеко не праздным. Сегодня есть четкое понимание, что одним из важнейших факторов, способствующих преодолению разного рода бифуркаций в новейшую историю России, является сохранение в общественном сознании исторической памяти народа о базовых традиционных ценностях национальной культуры. Несмотря на глубокие трансформационные сдвиги в системе ценностей современных россиян есть понимание, что в них веками аккумулировались, выкристаллизовывались и седиментировались в виде образцов, норм, принципов представления о достойном, лучшем, авторитетном в культуре. Эта историческая память, хранящаяся в архетипах русского менталитета, является сегодня важнейшим фактором консолидации российского общества. Однако здесь есть над чем поразмышлять и прежде, максимально четко представить непросто уловимое, вероятно, требующее и критичных оценок содержание традиционных ценностей русской культуры.

Большие возможности познания мировоззрения давно ушедших имеют культурные памятники, запечатлевшие объективные проявления и результаты нравственного духа народа, «идеи и философемы, объективно и ощутимо для всех содержащиеся в воззрениях и учениях русских мыслителей» (С.Л. Франк). Их размышления основываются на широком исследовании российской истории, философии, литературы; наблюдениях за обычаями, традициями народа; на выводах зарубежных авторов; на основе рефлексии, в том числе, над собой как личностями, интегрировавшими особенности русской культуры.

Рассмотрим содержательный анализ исторически сформировавшейся системы традиционной ценностей в отношении коллектива, задающей русского своеобразие этноса.

Коллективность, «огромный перевес» (Н.Я. Данилевский) общенародного над индивидуальным ярко характеризовала русских. Основной разлом цивилизаций проходил, вероятнее всего, по характеру места личности в семье, племени и обществе в целом, в понимании степени соотношения ее личной свободы и способности индивидуума подчинять свои действия общей необходимости. Ценность коллективного ярко характеризует своеобразие русских в отличие от культуры мусульманского Востока, католического и, в особенности, протестантского Запада. Речь идет о Востоке и Западе не как частях света, а как о «двух принципах, двух идеях» [1, с. 31], пронизывающих жизненный строй сообществ. «Сосредотачиваясь, углубляясь, замыкаясь в самом себе, созидался человеческий ум на Востоке» [1, с. 32], а потому первоосновой социальной силой мусульманского Востока является сила исключительного единства и подчинения, коленопреклонение перед историческим авторитетом. Это выражается в отрицании множественности идей, мнений, самостоятельности поступков, в тотальном господстве нравов, обычаев, порождающих позицию пассивной созерцательности данностей. Напротив, «.. раскидываясь вовне, излучаясь во все стороны, борясь со всеми препятствиями, развивался человеческий ум на Западе» [1, с. 32]. Западная цивилизация развивалась быстро, непрерывно, причиной тому было стремление каждой отдельной личности к самоутверждению, жизненному успеху. Преклонение западного человека перед авторитетом разума, независимости, целеустремленности дало богатое разнообразие внешних форм социальных отношений, создало ценность сильной личности, «частной отдельности», формализованных отношений, закона, права.

Русь - это уже не Восток, но и не Запад. Здесь человек «принадлежит миру, мир – ему». В центре духовных интересов русского представление о том, что судьба человека, его благо зависят от спасения всего мира. Потому столь ценен порядок человеческих отношений, которые рассматриваются не как механическое сцепление, а как истинное воссоединение людей. «Личное не стоит бессмертия. В нравственной сфере это создает тему коллектива, круговой поруки», - пишет Г.П. Федотов [2, с. 182]. К.А. Аксаков называл это качество в русском народе «хоровым началом»; С.Н. Трубецкой говорил

об идее «соборного сознания»; П.А. Флоренский выразил свое видение в концепции «всеединства». Сообщество людей представляется построенным на любовном единении, на жертвенном сотрудничестве всех в духовном общественном организме. А.С. Хомяков называл единство многих на основе общей любви к Богу, Божьей Правде - соборностью. Этим термином пользовался и Н.А. Бердяев. Для него соборность - это русская идея. Истоки соборности в общине, где все решали сельский сход, мир, вече как катализаторы народной правды.

В русском языке «соборность» происходит от слова «собор». Соборность - это форма жизни русского «Мы-мировоззрения» в отличии от «Я-мировоззрения», основанного на понятии «Я» как индивидуальном, замкнутом, самодостаточном сознании. О. Шпенглер называл русское сознание магическим, то есть основывающимся на восприятии реального присутствия всеобщего духа в сообществе. В таком сознании «Я» не только входит в «Мы», но в каждом «Я» внутренне содержится «Мы», так как оно является последовательной опорой, глубочайшим корнем и живым носителем «Я». Соборность подразумевает внутреннюю гармонию между живой личной душевностью и наиндивидуальным единством.

Представление об индивидуальной сфере, заключенной в самой себе, чуждо русскому мышлению и понимается как индивидуализм, к которому на Руси относились с предубеждением. Соборность и индивидуализм - антитепы. Соборность содержит в себе идею и цель преодоления индивидуализма, псевдогероического соперничества, разделяющего людей, вызывающего зависть. Русские ценили недемонстративную деловитость, любовь к общему труду. Издавна на Руси складывалась, строясь по принципам соборности, общинная форма существования социального организма. Н.Ф. Федоров [1, с. 146], характеризуя сущность и способы функционирования общины писал: «В ней не может быть вражды между отцами и детьми; общинные отношения создают механизм круговой поруки в общем, а не личном спасении; цель общинного труда не в получении наибольших доходов, но в стремлении к удовлетворению лишь действительных потребностей, к прочному и надежному обеспечению существования, а не к роскоши».

Нравственное требование согласия между людьми в межличностных и социальных отношениях, найдя свои основания в коллективистском, общинном, медленно зреющем сознании русского человека, подчиняло его, когда наступал момент действовать. Воодушевленные ощущением причастности к общему делу, чувствуя плечо другого, русские творили чудеса коллективного подвига. Это было не раз в нашей истории на фронтах трудовых и ратных. Русским кажется, будто «на людях и смерть красна», «умирать, так умирать всем». Жить не для себя, не для других, а со всеми и для всех — душевная потребность русского народа.

Единство и согласие ценится и на Востоке, но эти основания унифицируют личность в этой культуре. На Руси единство и согласие не отрицают ценности человеческой индивидуальности. Подчеркнем особо этот момент,

поскольку он чаще всего вытесняется, не замечается многими исследователями. Для русских единство не поглощает, а возвеличивает каждую единицу, с другой стороны, различие личностей скрепляет их единство. Подтверждение мы находим у Н.А. Бердяева, не отрицавшего персоналистичности русской общинности. С.Л. Франк, характеризуя сущность «духовного коллективизма», писал: «.. во-первых, он ничего общего не имеет с экономическим и социально-политическим коммунизмом; во-вторых, ...не враждебен понятиям личной свободы индивидуальности, а мыслится как ее крепкая основа» [3, с. 486].

Если на Востоке согласие было пассивным и созерцательным, на Руси согласие и единство сопровождалось активной действенностью (вера без дел мертва). Эта действенность направлялась туда, где что-то не ладится, где беда; выражается в проявлении взаимопомощи и взаимовыручки (помочи и толоки называли их на Руси). Отметим, что эти формы отношений имеют исключительно неинституциональный, фиксированный лишь в нравственных традициях народа характер. Отношения взаимопомощи следует отграничивать от благотворительности. Эти акции имеют в своей основе лишь чувство жалости к человеку, который не в состоянии поддержать условия своего существования. Тем более важно отграничивать от найма как некоей формы социального обмена. Взаимопомощь, имея действенный характер, предполагала активное стремление к деятельности в меру возможностей стороны, которой помогают, ее собственную помощь самой себе наряду с помощью извне (ни что иное как признание в другом человеке личного начала).

На Руси в отношениях между людьми разной степени знакомства существовал обычай побратимства. Побратимые отношения возникают в результате так называемого «братания» чужих людей на всю жизнь, существовали как идеал содружества, выражались в индивидуальной взаимовыручке. Между чужими устанавливались отношения кумовства, крестовых брата и сестры с близким, доверительным общением; были подобны отношениям родственным. Вплоть до 1917 г. побратимство освящалось церковью, что давало в некотором роде статус родства. Можно говорить не только об обычае братания, но вообще о братском отношении к Другому как принципе отношений. Под небратскими отношениями разумели все юридико-экономические отношения, сословность и международную рознь. Неродственность есть гражданственность.

Здесь кроется еще одна сторона соборности как противопоставление жесткому иерархическому социальному порядку - непринудительное общение. На Руси понимание общественных и частных отношений было практически одинаковое. Русский ожидает от других доброты, совести, искренности, сам строит свои отношения исходя из этих ценностей; не любит формальные правила взаимодействий, условности в общении. И хоть в государственной жизни господствовала монархия со строгими законами, в обще-

ственной жизни, по замечанию А.С. Хомякова [4, с. 258], была бытовая демократия. Привычная атмосфера жизни русских - вольность неофициального быта, нестесненность индивидуальности. «На Западе души убивают, занимаясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством, совесть заменяется законом, внутренние побуждения - регламентом, даже благотворительность превращается в механическое дело» [1, с. 267]. Россия цельна, непрерывна, богатая содержательно, поляризованная снаружи. По мысли В. Ковалева [1, с. 309], «России не хватает формы, Европе - содержания». Европу ведет абсолютная личность, Россию - абсолютный дух. В основании отношений у русских - неформальность, добровольность, свобода. Если на Западе в регуляции человеческих отношений первое место отводится праву, закону, то у русских - общественному мнению как моральному авторитету, а также авторитету старших, который является стимулом для формирования общественного мнения, неформальным органом власти, охраняющим нравственные традиции. Неформальные отношения порождают ценность открытости, социальности (в отличие от социальности в нормирующем смысле) в общении, в целом в образе жизни в противовес индивидуализму как некоей закрытости образа жизни. В России развито индивидуальное, семейное общение, нет «семейного и индивидуального изоляционизма» [4, с. 258]. Свобода духа позволяет смело, откровенно, широко общаться с друзьями и знакомыми, делиться мыслями, переживаниями, спорить на неформальной почве. Ради хороших отношений русские готовы уступить, «отдать последнее». На Руси широко распространенными являлись различные коллективные формы совета, общения. Зачастую семейные праздники выходили за рамки семейных. В промежутках между беспросветной работой с раннего утра до позднего вечера, когда лишь ночью возможно было подвести некоторые итоги и планировать следующий день, организовывались сходки, праздники, встречи по возрастам, посещались кабаки, где каждый волен обнародовать свое мнение, проявить свою индивидуальность.

Таким образом, высокая нравственная ценность коллективного, ярко характеризующая русский национальный характер, показывает: безусловное предпочтение общественного частному, зависимость от него, имеющее целью преодоление индивидуализма, эгоизма, тщеславия, при одновременной поддержке отдельного человека; высокую ценность единства мира, согласия в противовес несогласию, конкуренции, порождающих зависть, разделяющих людей; высокую ценность переживания чужой боли как собственной; действенный характер ценности, проявляющийся во взаимопомощи и взаимовыручке между людьми, в способности поделить последним с нуждающимся; ценность умения уживаться с людьми на основе значимости других, братского, искреннего, совестливого отношения в противовес формальному, регулируемому правом, законом; ценность открытости мнений, взглядов, характера в целом; ведущую роль общественного мнения

как хранителя традиций, направляемых старшим поколением как непрерываемым, созданным трудовой жизнью авторитетом для молодых.

Исследование содержания традиционных ориентиров русской культуры в аспекте отношения к коллективу позволяет операционально представить своеобразие составляющих этих ценностей. Предпринятый анализ рассматривается как способ постижения самих себя в прошлом и настоящем, шаг на пути утверждения своей самобытности, страхующий от эгоцентризма, самообольщения, как платформа для определения перспектив собственного роста.

Список литературы

1. Россия и Европа. Опыт Соборного анализа. – М.: Наследие, 1992. – 561 с.
2. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х тт. Т.2. – СПб: София, 1992. – 349 с.
3. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
4. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.

ФИЛОЛОГИЯ

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN HEALTH CARE: A LITERATURE REVIEW

Nikolay Aleksandrovich Buvalin,

*MD, Department of Foreign Languages,
Department of Sports Medicine and Medical Rehabilitation
Sechenov University, Moscow*

Istvan Lenart

*Associate Professor, PhD, Department of Foreign Languages,
Sechenov University, Moscow*

Abstract

In the beginning of the 21st century intercultural communication gained a key role in the effective interactions between patients and physicians. Unfortunately, intercultural misunderstanding also affects communication both between physicians and patients, and between healthcare providers themselves. Investigation of the physician's "verbal consciousness" in the field of profession names could be an ambitious method for improving quality of the communication between physicians.

Key words: intercultural misunderstanding, profession names, verbal consciousness

Аннотация

Межкультурная коммуникация стала играть ключевую роль в коммуникации между пациентами и врачами в начале 21-ого века. К сожалению, случаи межкультурного непонимания негативно влияют на качество коммуникации не только между врачами и пациентами, но и между собственно специалистами в области здравоохранения. Улучшить качество коммуникации между врачами возможно поможет изучение феномена "языкового сознания" врачей на примере названий медицинских специальностей.

Ключевые слова: межкультурное непонимание, название медицинских специальностей, языковое сознание

The second decade of the 21st century brought along a rapid increase in interactions between members of different cultures, due to numerous factors including the unprecedented magnitude of global migration and the fast development of information, communication and transportation technologies. Under these circumstances, intercultural communication gained a key role in effective interpersonal and successful inter-institutional cooperation in numerous fields, such as business and management, trade, education, health care, international companies, non-governmental organizations, to mention but a few. In the below article we

overview some current theoretical and research fields of intercultural communication in the health care setting.

Intercultural communication is a relatively young field, and although communication between members of varying cultures has been studied since ancient times, this scientific field was first coined by Edward T. Hall in the late 1950s (Hall, 1959). Ting-Toomey defines intercultural communication as the “*symbolic exchange process whereby individuals from two (or more) different cultural communities negotiate shared meanings in an interactive situation*” (Ting-Toomey, 1999:16-17).

Intercultural misunderstanding is one of the keystone issues in the field of intercultural communication, both in general and in the health care setting worldwide. As Hall states “*Difficulties in intercultural communication are seldom seen for what they are. When it becomes apparent to people of different countries that they are not understanding one another, each tends to blame it on "those foreigners," on their stupidity, deceit, or craziness.*” (Hall, 1959:15).

Intercultural misunderstanding always affects both sides of the medical process; patients and healthcare providers. Since the end of 90s many researchers have examined doctor-patient interactions. Their works focused on experiences among patients and occupational therapists (Mattingly, 1994), nurses (Crawford et al., 1998), pharmacists (Pilnick, 1998; 1999) and other practitioners. However, Adolphs (Adolphs, 2004) considers that all this studies were based on small databases without extensive accumulation of data, therefore he developed “*the health professional corpus*” which amounted to 35,014 words in total and “*the patients’ corpus*” amounted to 26,967 words based on calls to NHS Direct in London.

The greater part of medical linguistics literature commits to intercultural misunderstanding between patients and healthcare providers. Suite (Suite, 2004) points on “chronic mistrust” between African-American culture and the mental health communities; Loewenstein with colleagues (Loewenstein, 2013) uncovers customers' misconception of health insurance; Colker and Steffensen (Colker and Steffensen, 1982) talks about “comprehension/recall process” that can be credited to the nonappearance of the fitting “basic schemata”; Westermen (Westermen, 1990) claims “missed educational opportunities” as the principle reason of lost intercultural communication. It is worth noting that till the end of 2000’s there was a lack scientific reports about miscommunication between one healthcare provider and another one.

In 2008 Lindström (Lindström, 2008) conducted a massive full-scale remarkable study with 393 participants. Her main idea was to analyze intercultural communication between non-Swedish physicians and their Swedish patients during medical consultations. Lindström performed four different common data collection methods that could be utilized as a part of most medical linguistics studies: semi-structured interviews, questionnaires, recordings of medical consultation, and observations. Meanwhile, as addition to her main goal she also investigated communication between Swedish physicians and non-Swedish physicians : “*The non-Swedish physicians are less positive about their communication with Swedish*

health care personnel than with Swedish patients, in general, and as concerns language in particular. There are some indications that the female non-Swedish physicians are more critical of their communication with Swedish health care personnel than their male counterparts. Among the Swedish health care personnel, it is primarily the female nurses who express a lack of satisfaction with their communication with the non-Swedish physicians." The questionnaires were given to the non-Sweden physicians in this great research did not include a special group of question to analyze "verbal consciousness", which could be a key to communication issues between healthcare providers, especially for misunderstandings. It should be also noted that there is lack of literature about physician-physician communication in comparison with physician-patient communication.

The term "verbal consciousness" originates from two sciences: psychology and linguistics. Confluence of them creates a new modern one - psycholinguistics. According to Tarasov (Tarasov, 2004) "verbal consciousness" is a pattern of thoughts described with the help of linguistic resources (words, established terms, text, associative fields).

We suppose that "verbal consciousness" is one of the characterizing components of every person in each culture or ethnos. When diverse societies or cultures with various verbal consciousness impacts, this event comes into various scenarios which could be simply categorised into two main results: in the first one communication happens, in the second one - doesn't. Dugarova (Dugarova, 2008) suggests about activation of the ethnic consciousness deep protective psychological phenomena whereby members of one community rejects members of other communities who are not similar with them. In 2005 Markovina (Markovina, 2005) proposes the opposition "*friend-or-foe*" as a principle of every culture. In this model "*friend*" is marked positively and "*foe*" has negative features and something "*unnatural*" in its origin. Associative thesaurus is also an useful tool for describing "verbal consciousness".

In our future research we suppose to use several data collection methods, e.g. associative testing with foreign and Russian physicians and corpus linguistics to evaluate perception differences in medical profession names and verbal consciousness of healthcare providers. After that all obtained data will be analyzed to produce conclusions that could be used in improvement of intercultural communication between physicians worldwide.

Literature

1. Adolphs S, Brown B, Carter R, Crawford P, Sahota O. Applying corpus linguistics in a health care context // Journal of applied linguistics. Vol. 1.1, 2004 9-28, 2004.
2. Crawford P, Brown B, and Nolan P. Communicating Care: the language of nursing. // Cheltenham: Stanley Thornes, 1998.
3. Hall, ET. The Silent Language // Anchor Books, New York, 1959

4. Lindström NB. Intercultural communication in health care. Non-Swedish physicians in Sweden // Dissertation // Gothenburg monographs in linguistics 36, Department of linguistics, University of Gothenburg, 2008. P. 299
5. Loewenstein G, Friedman JY, McGill B et al. Consumers' misunderstanding of health insurance. // J Health Econ. 2013 Sep;32(5):850-62. 2013. doi: 10.1016/j.jhealeco.2013.04.004.
6. Mattingly, C. The concept of therapeutic employment. // Social Science and Medicine 38(6): 811–22. 1994.
7. Pilnick, A. 'Patient counselling' by pharmacists: advice, information, or instruction? // The Sociological Quarterly 40(4): 613–22. 1999.
8. Steffensen MS, Colker L. Intercultural misunderstandings about health care: recall of descriptions of illness and treatment // University of Illinois at Urbana-Champaign. 1982
9. Suite DH, Brill RL, Primm A, Harrison-Ross P. Beyond misdiagnosis, misunderstanding and mistrust: relevance of the historical perspective in the medical and mental health treatment of people of color. // J Natl Med Assoc. 2007 Aug; 99(8): 879–885. 2007.
10. Ting-Toomey, S. Communication Across Cultures // The Guilford Press, New York, London, 1999
11. Westermen RF, Hull FM, PD Bezemer, Gort G. A study of communication between general practitioners and specialists. // Br J Gen Pract. 1990 Nov; 40(340): 445–449. 1990
12. Дугарова, Т.Ц. Методы исследования этнического самосознания // Вестник БГУ. 2008. №5, 2008
13. Марковина, И. Ю., Васильченко Т. А. Культурная константа «свой-чужой» на аксиологической оси модели мир: механизмы защиты // Язык. Сознание. Культура: сб. статей; под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. – М.-Калуга: ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»), 2005. – С. 217-230.
14. Тарасов, Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики, №2, 2004

**ПСИХОЛОГИЗМ В ПОВЕСТИ АМИРА АМИНЕВА
“В ОДНОЙ ЛОДКЕ” (“БЕР КӘМӘЛӘ”)**

Исхакова Гульшат Расулевна

*Магистрант 1 года обучения факультета
башкирской филологии и журналистики*

Башкирского государственного университета

450074, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди 32

Гареева Гульфира Нигаматьяновна

Доктор филологических наук, профессор

факультета башкирской филологии и журналистики

Башкирского государственного университета

450074, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди 32

**PSYCHOLOGISM IN THE STORY BY AMIR AMINEV
"IN ONE BOAT" (“БЕР КӘМӘЛӘ”)**

Iskhakova Gulshat Rasulevna

master of the second year of faculty

Bashkir philology and journalism

Bashkir state university

32, Zaki Validi st., Ufa city, Republic of Bashkortostan, 450074

Gareyeva Gulfira Nigamatyanovna

Doctor of Philology, professor

faculty of the Bashkir philology and journalism

Bashkir state university

32, Zaki Validi st., Ufa city, Republic of Bashkortostan, 450074

Аннотация: В данной статье исследуется психологизм в повести Амира Аминева «В одной лодке», в которой четко характеризуются внутренние переживания героев и их взаимоотношения с природой. Автор поднимает актуальные проблемы справедливости и борьбы между героями.

Annotation: This article explores the psychology in Amir Aminev's novel "In One Boat", which clearly characterizes the inner experiences of the characters and their relationship with nature. The author raises actual problems of justice and struggle between the heroes.

Ключевые слова: башкирская проза, психологизм, мораль, художественные приемы.

Keywords: Bashkir prose, psychology, morality, artistic touches.

В прозе башкирской литературы важное место занимают произведения Амира Аминева, в которых основаны реальные события и острые проблемы взаимоотношений человека и общества с элементами остроты, целенаправленным отражением их решения. Именно психологизм, столкновение прав-

дивости и лжи, двуличные характеры образов и тяжкие шаги главных героев, выступавших за справедливость через жизненные лабиринты, раскрывают главные идеи писателя.

В повести “В одной лодке” Амир Аминев использует метод реализма, отличающийся литературными особенностями как романтический пафос, психологический стиль, символическое описание мифических историй в начале произведения.

Главный герой повести со всеми силами один на один бросается в борьбу против зла, за родную землю и природу, готов отдать свою жизнь, настоящий патриот, максимист-герой красноречив, характеризуется как романтическая фигура своего времени. К тому же повесть остерегает все человечество, природу от опасностей, которые возникают в результате социально-политических и морально-этических последствий. Автор произведения продолжает и дополняет идейно-эстетическую концепцию к общему понятию, так как название повести отражает мифологическую и психологическую поэтику.

Изначально автор вложил некое понятие к слову “лодка”, именно такой образ поднимает глобальные проблемы, угрожающие ко всему человечеству. Суть этого произведения состоит в том, чтобы люди преуспели задуматься и начать новую жизнь. События в повести – фантазии автора. Но автор сумел показать действительность, так чтобы читателям предподнести то, чего он хотел сказать. Зверские поступки злых людей против природы и ко всему окружению пробуждают чувства ненависти и презрения. Не каждый уверен, что он не станет жертвой дикости? Почему добро не побеждает зло, почему материальные ценности оцениваются больше чем духовные? Такие актуальные вопросы преследуют до конечных строк этого произведения.

Габит, его жена Фарзана, бабушка, сын Искандер, Салима, начальник сообщества охотников района, его сын Шамиль, ветреный человек Абубакир – все эти образы усугубляют развитие сюжета. Герои отличаются друг от друга с разными взглядами на жизнь, с мировоззрениями и характерами. Прием типичности и столкновения образов – главные литературные детали автора. Общечеловеческие проблемы сближает произведение к действительности. Психологические средства помогают раскрыть взаимоотношения между человеком и природой. В повести два типа людей: одни – защитники, для них природа – это источник красоты. Другие – разрушители, природа для них – источник богатства.

В раскрытии психологической остроты произведения “В одной лодке” большую роль играет образ бабушки. Она со своими советами поддерживает Габита, такие чувства положительно складываются в повести. Бабушка очень хорошо понимает, что у внука опасная работа, и оберегает, помолив Бога на каждом шагу. Образ бабушки – символ целомудрия. Ее беспокоят не только благополучие дома и семьи, но и за природу и за человечество

глубоко переживает. Ее философские раздумья переходят на общечеловеческие проблемы. Часто она рассказывает внуку мифические истории; о чудесах пророка Ноя, о всемирном потопе. Совпадения в реальности мифов, особенно явный сон бабушки, как Габит один плывет в одной большой лодке, показывают, что несмотря на современность, люди все еще верят суевериям и старинным воспоминаниям. Рассказы бабушки предупреждают о надвигающейся опасности для человечества. Враждебность начальника и его сообщество охотников всего района не раз порождает опасность.

Повесть “В одной лодке” не завершается как миф о всемирном потопе. Перед глазами смертельно раненого Габита появляются тени Салимы и бабушки с печальным взглядом. И вдруг ему обращается божественный голос: «Әйттем мин һиңә, Рәсүлем Нух, кәмәгә кешеләрзе нык һайлап ал, тинем. Күрзеңме, бәндәләр без биргән мөмкинлекте файзаланманы, бер кәмәлә икәндәрен онотто, нәфселәрен тыя алманы. Бынан һуң мин уларға ундай мөмкинлек бирәһем юк. Кәзерзе белмәгәс, яңынан туфан һыуы калкытам, Торатаузы ла һыуға күмдерәм – бәндәләр эләгер, котолор, үрсер урын булмаясак. Сур* тауышын көтһөндәр, акылға ултырмаҫ булһалар! Ә был егет маладис, көрәште, ерзе һаклаузы намыҫ эше итеп караны. Бына шундайзарзы кәмәнә күберәк алырға кәрәк булған, Нух. Хәйер, һуң инде...».

Люди убивают друг друга, на добро отвечают злыми поступками. Благие дела быстро забываются, ненависть сохраняется до конца жизни. Кто-то презирает тех, у кого хорошие намерения. У птиц и животных намного проще, чем у людей. У них нет ни ненависти, ни презрения, они понимают лучше, чем люди. Орел, спасенный когда-то Габитом, выручает его во время побега от варваров. Это описание еще раз подтверждает, что добро никогда не исчезает.

Таким образом, в повести каждый читатель извлекает урок и автор произведения оставляет место для размышления и заключения. В форме пролога и в центре повести всемирный потоп играет большую роль как очищение человечества от злых духов и варваров. Это и есть символ противостояния природы и людей. Автор характеризует образ Торатау в национальном стиле и настоящее время связывает с корнями древности. Образ доброй бабушки, миф о потопе, сны о Габите раскрываются в ходе конфликта, такие художественные приемы отражают религиозные связи с человеком. Божественный голос повествует об ошибках человечества и всемирная лодка погружается в воду. Постепенно наступает Судный день и автор хочет пожелать своим читателям, чтобы выбрали правильный путь в своей жизни.

Список литературы:

1. Гәрәева Г. Н. Һуңламаһын әзип әйткән һүз //Ватандаш, 2006. - №2. – 134-138-се биттәр.
2. Гәрәева Г. Н. Хәзерге башкорт прозаһында герой концепцияһы / Г. Н. Гәрәева Ә. М. Муллағолова. – Өфө : Филем, 2007. – 120 бит.
3. Әминев Ә. Бер кәмәлә. Повесть//Ағизел, 2010. - №3. – 33-79-сы биттәр.

References:

1. Gäräeva G. N. Һуңламаһын әзип әйткән һүз //Vatandash, 2006. - №2. – 134-138-se bittär. (In Bashkir)
2. Gäräeva G. N. Hәzerge bashkort prozayında geroj koncepciyahy / G. N. Gäräeva Ә. М. Mullaғolova. – Өфө : Filem, 2007. – 120 bit. (In Bashkir)
3. Әminev Ә. Ber kәмәлә. Povest'//Aғizel, 2010. - №3. – 33-79-sy bittär. (In Bashkir)

ПРАГМАТИКА АТРИБУТИВНЫХ ТАВТОЛОГИЙ

Воложанина Татьяна Сергеевна

кандидат филологических наук

СПбГЭУ, Санкт-Петербург

доцент кафедры английского языка и перевода

Аннотация. В данной статье представлено всестороннее рассмотрение тавтологий атрибутивного типа. Дается их общая характеристика как избыточных выражений в отрыве от контекста употребления, детально описывается процедура их переосмысления. Анализируется стратегический потенциал данных тавтологий.

Ключевые слова: тавтология, атрибутивные тавтологии, процедура переосмысления, стратегии и тактики.

Abstract. The article studies a certain type of tautological structures i.e. so-called attributive tautologies. First, their original redundant nature is explained then the possibility to interpret them as non-redundant expressions is demonstrated. Finally, their pragmatic potential in terms of strategies and tactics is analyzed and evaluated.

Key words: tautology, attribute tautologies, interpretation procedure, strategies and tactics.

Такое явление языка как тавтология, в самом общем смысле представляющая собой семантическую избыточность высказывания, не раз становилось объектом исследования лингвистики [2, 4, 10]. Однако, количество трудов, посвященных исследованию данного феномена языковой редувантности, к сожалению, не способствовало качеству понимания данного языкового явления, поэтому лингвистические труды, направленные на изучение тавтологии до сих пор остаются актуальными.

В данной статье будет произведена попытка рассмотреть так называемые атрибутивные тавтологии с позиций лингвистической прагматики, что в данном случае подразумевает использование инструментария теории речевых стратегий и тактик [5, 7].

Так называемые атрибутивные тавтологии в общем случае представляют собой адъективно-субстантивное словословосочетание, компоненты которого связаны экспликационными отношениями, характеризующимися наличием смысловой избыточности. Другими словами, атрибутивные тавтологии – это выражение типа *грубый грубиян* – словосочетание прилагательное+существительное, когда прилагательное приписывает существительному какой-либо признак; неизменным условием является избыточность упоминания данного признака, поскольку само существительное уже включает в себя данный признак как атрибут.

Стоит отметить, что атрибутивные тавтологии распространены во многих языках и были подробно описаны многочисленными лингвистами. Особенность тавтологий данного вида является их повсеместное причисление к

кругу тавтологий (абсолютно все лингвисты [2, 4, 10] и простые пользователи языка (так называемые наивные лингвисты) не колеблясь относят выражения типа *красивая красавица* к тавтологиям). Не случайно, самым популярным тавтологическим выражением в русской лингвокультуре является выражение *масляное масло*.

Еще одной особенностью тавтологий данного типа является их способность к переосмыслению при попадании в конкретные контексты речи и устойчивый характер, который носит это переосмысление. Практически всегда данные конструкции, когда они употребляются говорящими сознательно и целенаправленно, понимаются слушающими как усилительные конструкции.

В нашей работе мы рассматриваем механизм переосмысления атрибутивных тавтологий, используя гипотезу существования неких когнитивных моделей, которыми пользуются слушающие, сталкиваясь с атрибутивной тавтологией в контексте конкретного высказывания. Мы считаем, что данную модель можно описать как некий алгоритм, которым пользуется слушающий в процессе коммуникации. Нами были выработаны четыре шага интерпретации, которые «проходит» человеческое сознание при переходе от первичного избыточного значения тавтологии ко вторичному неизбыточному. Ниже мы приводим процесс интерпретации с описанием упомянутых выше шагов:

– *Только дай ей Бог не такого, как вы, Иван Федорович, – разорвалась наконец, как бомба, Лизавета Прокофьевна, – не такого в своих суждениях и приговорах, как вы, Иван Федорович, не такого грубого грубияна, как вы, Иван Федорович* [3, с. 334].

На первом этапе (шаге) интерпретации выявляется, что выражение *грубый грубиян* является тавтологичным, поскольку в данном выражении признак *грубый* эксплицирован дважды, так как *грубиян – это человек, который груб в обращении* [9, с. 146].

Семантический анализ (второй шаг) указанного признака позволяет определить возможность его интенсификации (человек может быть более *грубый*/ менее *грубый*).

Анализ ситуации употребления выражения *грубый грубиян* (третий шаг) дает возможность выявить наличие интенции к интенсификации у адресанта данного выражения (Лизаветы Прокофьевны). В представленной ситуации Лизавета Прокофьевна выражает недовольство по поводу поведения своего мужа Ивана Федоровича. По её мнению, Ивану Федоровичу недостает чуткости, его «суждения и приговоры» слишком резки, а его поведение характеризуется крайней грубостью, следовательно, есть основания полагать, что избыточность рассматриваемого выражения (двойная экспликация признака *грубый*) – интенциональна и имеет целью указание на высокую степень содержания признака *грубый* в характере Ивана Федоровича.

Таким образом, мы можем постулировать добавление интенсификатора *очень/крайне* в план содержания рассматриваемой тавтологии (четвертый шаг). Другими словами, в проанализированной ситуации выражение *грубый грубиян* может быть проинтерпретировано как *Иван Федорович – очень грубый человек/ очень большой грубиян/ его поведение отличается крайней степенью грубости*.

Анализ примеров показал, что атрибутивные тавтологии, переосмысленные по представленной выше модели, могут быть крайне полезны говорящему при реализации огромного количества разнообразных стратегий и тактик. Приведем несколько примеров.

1. Использование атрибутивных переосмысленных тавтологий в стратегии волеизъявления (тактика убеждения):

- ...вы видели пленника тана Вингетора?
- Угу...
- И что – действительно перьерукий?
- Самый что ни на есть **расперьерукистый перьерукий!** – уверил кхандца Малыш...
- Чудеса, да и только [8 с. 170].

В представленном примере Рагнур спрашивает гнома по имени Малыш о необычном пленнике тана Вингетора. Рагнур слышал, что этот пленник является представителем необыкновенной расы людей, на руках у которых растут перья. Рагнур – путешественник, он много странствовал, но подобных людей никогда не видел, поэтому ему трудно поверить в их существование. Малыш, используя тавтологический неологизм *расперьерукистый перьерукий*, убеждает Рагнура в справедливости слухов о новооткрытой расе. На наш взгляд, тавтологическое словосочетание в данном случае играет роль эмоционально-экспрессивного убеждения.

2. Использование атрибутивных переосмысленных тавтологий в стратегии информирования (тактика объяснения):

Мужик с густой бородой и угрюмым лицом, взъерошенный и измятый, вошел в церковь... Такое горькое горе сказывалось в его лице, во всех его движениях, что Лаврецкий решился подойти к нему и спросить его, что с ним. Мужик пугливо и сурово отшатнулся, посмотрел на него... «Сын помер», – произнес он скороговоркой [10, с. 242].

В приведенном примере автор описывает необычное поведение Лаврецкого, который, будучи помещиком, обращается с участливым вопросом к простому мужику. Объясняя подобное нетипичное поведение Лаврецкого, писатель использует тавтологическое выражение *горькое горе* при характеристике мужика. В данном случае акт объяснения может быть эксплицирован в следующей форме: Лаврецкий заговорил с мужиком, потому что увидел, что у того случилось какое-то очень большое, чрезвычайно ужасное несчастье (по-настоящему *горькое горе*).

3. Использование атрибутивных переосмысленных тавтологий в стратегии эмоционально-оценочного воздействия (тактика оскорбления):

'You idiotic fool!' Pippin muttered to himself. 'You are going to get yourself into a frightful trouble. Put it back quick!' [12, p. 592]

В приведенном примере Пиппин совершает очень плохой поступок, он без разрешения берет палантир, очень древний и мощный артефакт Средиземья. Пиппин осознает, как глупо и дурно он поступает, он пытается заставить себя положить палантир на место, используя с этой целью тактики оскорбления, угрозы и приказа (вектор направленности которых в данном случае является рефлексивным). Тавтологическое выражение *idiotic fool*, употребляемое в тактике оскорбления, усиливает эмоциональное воздействие высказывания.

Таким образом, становится очевидным, что тавтологии типа Adj+N, легко поддаются процедуре переосмысления по интенсификационной модели и успешно служат реализации самых разных задач коммуникации.

Одна единая модель переосмысления является также отличительной чертой данных тавтологий, практически к любой из них, попавшей в контексты речи, если и будет применяться процедура переосмысления, то она будет заключаться в добавлении интенсификатора в семантическую структуру высказывания, за исключением одного очень любопытного случая, который хотелось бы рассмотреть поподробнее.

Нами было замечено, что русская атрибутивная тавтология *разные разности* переосмысляется по другой модели, которая в рамках нашего исследования получила название компрессивной, поскольку идея этой модели заключается во включении в семантику тавтологического выражения относительно большого количества различных смысловых элементов имплицитно или эксплицитно присутствующих в высказывании с данной тавтологией. Продемонстрируем механизм работы данной модели с указанным тавтологическим выражением на примере:

*Вот и лес отвалился, остался где-то сзади, и река ушла куда-то в сторону, навстречу грузовику сыпалась **разная разность**: какие-то заборы с караульными будками и штабеля дров, высоченные столбы и какие-то мачты, а на мачтах нанизанные катушки, груды щебня, земля, исполосованная каналами, – словом, чувствовалось, что вот-вот она, Москва, тут же, вон за поворотом, и сейчас навалится, и охватит* [1, с. 389].

Первый шаг интерпретации позволяет выявить, что компоненты выражения *разная разность* имеют одинаковый признак *различный* [9, с. 564], следовательно, выражение *разная разность* содержит семантическую избыточность и относится к тавтологиям.

При определении значения тавтологии *разная разность* (второй шаг) устанавливается, что рассматриваемое выражение употребляется для описания объектов, которые встречаются на пути грузовика, данные объекты конкретно поименованы в последующем тексте (*заборы, штабеля дров, столбы, мачты, катушки, груды щебня, земля*). Следовательно, можно предположить, что выражение *разная разность* служит компрессивным обозначением данных объектов.

При установлении интенции говорящего к компрессии (третий шаг) учитывается, что важной характеристикой предметов, встречающихся на пути грузовика, является их различная категориальная принадлежность. Следовательно, для данных предметов непросто найти одно обобщающее слово, именно поэтому, на наш взгляд, в качестве такого слова адресант употребил выражение *разная разность*, которое в силу своей «асемантической» может быть использовано для обозначения совокупности любых предметов, независимо от их категориальной принадлежности.

Таким образом, в данном случае наличие интенции у адресанта выражения *разная разность* к компрессии сложной мысли и возможность такой компрессии дают основания включить в семантическую структуру этого выражения многочисленные объекты различного рода, упомянутые в последующем тексте (четвертый шаг).

Как показал анализ примеров, анализ примеров компрессивная природа тавтологии *разные разности* дает ей возможность способствовать реализации тактики рассказа, что может быть объяснено тем фактом, что данная тавтология способна «сворачивать» определенные несущественные или известные моменты рассказа, тем самым как бы «экономя» для говорящего время для более подробной и детальной «остановки» на по-настоящему важных «местах» повествования. Приведем пример:

Вот как мы сделались приятелями: я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление; толковали об убеждениях; каждый был убежден в разных разностях [8, с. 404].

В данном примере Печорин рассказывает о своей первой встрече с доктором Вернером. Повествуя о событиях того вечера, в который они с Вернером сделались приятелями, Печорин употребляет устойчивое тавтологическое выражение *разная разность*, которое в данном случае «вбирает в себя» все те убеждения, которые имелись у присутствующих на упомянутом вечере. Поскольку основной целью Печорина является рассказ о начале его «дружбы» с Вернером, «предметы убеждения» других людей представляются говорящему нерелевантными. Тавтология *разная разность* является удобным способом указать на гетерогенность данных убеждений и при этом не останавливаться на их подробном перечислении. Следовательно, способность тавтологии «конденсировать в себе» достаточно большой объем информации дает возможность говорящему «сворачивать» в них «второстепенные составляющие» рассказа и позволяет ему подробнее остановиться на самом главном.

В заключение можно сделать вывод о бесспорном наличии у атрибутивных тавтологий огромного прагматического потенциала, чему способствует их способность к избыточному переосмыслению. Количество стратегий и тактик, для которых могут быть использованы атрибутивные тавто-

логии, едва ли представляется обозримым, что несомненно дает данным атрибутивным тавтологиям право на существование в языке и функционировании в речи.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Романы, пьесы. М.: Современник, 1991. 703 с.
2. Бушуй А.М. К теории тавтологии в языкознании // Язык и литература: материалы II респуб. научно-теорет. конференции молодых ученых и аспирантов. Самарканд, 1969. С. 30-43.
3. Достоевский Ф.М. Идиот. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 621с.
4. Зайц О.А. Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2001. – 185 с.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
6. Лермонтов М.Ю. Стихотворения; Поэмы; Маскарад; Герой нашего времени. М.: Художественная литература, 1985. 479 с.
7. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. 256 с.
8. Перумов Н.Д. Адаманти Хенны. М.: Эксмо, 2003. 560 с.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского язык: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковик, 1999. 944 с.
10. Рахманкулова Л.К. Тавтологические конструкции в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Л., 1984. 19с.
11. Тургенев И.С. Рудин; Дворянское гнездо; Накануне; Отцы и Дети. М.: Художественная литература, 1983. 543 с.
12. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. Boston – N.Y.: Houghon Mifflin Company, 2004. 1178 p.